ЮЛИЯ ЯННОВА

ТАНЕЦ ПЛАЧУЩИХ ЗВЕЗД

IM PRESS

ЮЛИЯ ЯННОВА

ТАНЕЦ ПЛАЧУЩИХ ЗВЕЗД

БОСТОН • 2026 • ЧИКАГО

Юлия Яннова *Танец плачущих звёзд*
Julia Yannova *Dance of the Weeping Stars*

Copyright © 2026 by Julia Yannova

All rights reserved. No part of this book may be reproduced
or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical,
including photocopying, recording, or by an information storage and
retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-11-6 (hardcover)
ISBN 978-1-970342-10-9 (softcover)

Published by M•Graphics | Boston, MA
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

Book Design by Bagriy&Company, Chicago, IL © 2026

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Танец плачущих звёзд

Пролог 9

Часть первая. Двадцать пять лет спустя

Глава первая 18
Глава вторая 24
Глава третья 27
Глава четвертая 31
Глава пятая 34
Глава шестая 38
Глава седьмая 42

Часть вторая

Глава первая 46
Глава вторая 51
Глава третья 57
Глава четвертая 68
Глава пятая 72
Глава шестая 80
Глава седьмая 85
Глава восьмая 92
Глава девятая 96
Глава десятая 103
Глава одиннадцатая 106
Глава двенадцатая 113
Глава тринадцатая 118

Глава четырнадцатая 124
Глава пятнадцатая 132
Глава шестнадцатая 136
Глава семнадцатая 141
Глава восемнадцатая 144
Глава девятнадцатая 147
Глава двадцатая 150

Эпилог. Димыч 152

Кошка

Глава 1 167
Глава 2 171
Глава 3 177
Глава 4 182

ТАНЕЦ ПЛАЧУЩИХ ЗВЁЗД

Все события и персонажи, описанные в данной книге, являются плодом авторского воображения. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или умершими, является случайным.

ПРОЛОГ

Ребёнок проснулся. Он знал, что проснулся неправильно, что ему ещё положено спать, и потому, открыв глаза, сразу закрыл их крепко-накрепко, чтобы уснуть назад. Так учила мама. Уснуть не получилось. Митя лежал не шевелясь, прислушиваясь, не раздадутся ли торопливые мамины шаги, и боясь, что его сейчас поругают, что не спит. Было странно тихо, и он открыл один глаз, пытаясь осмотреться вокруг, но с одним глазом жить было неудобно — он только что совершил это важное открытие, — и поэтому решительно открыл второй. Испугавшись своей храбрости, зажмурился, ещё немножко полежал и, окончательно проснувшись, разомкнул веки и уставился в потолок — ничего интересного. Скосил глаза вправо — темно и страшно.

Митя уже было набрал воздух, чтобы позвать маму, но глаза скользнули влево, к окну, которое было непривычно распахнуто, и наткнулся взглядом на что-то, что заставило забыть и маму, и страх: прямо на него смотрели звёзды. Что это звёзды, он уже знал от мамы. Он знал, что они далеко-далеко и что если быть послушным мальчиком и лежать тихо-тихо, то можно будет услышать, как они поют. Он много раз пытался услышать её, эту волшебную песенку звёзд, но засыпал до того, как звёзды начинали петь. Иногда, проснувшись, он с рёвом бежал к маме, топая ногами и растирая кулачками заспанные глаза.

«Что, — хохотала она, — ночное небо опять убаюкало моего любимого мальчика и не открыло ему свою самую тайную тайну?» Смех наполнял залитую солнечным светом комнату, и, уткнувшись носом в мамины колени, Митя затихал и слушал сказку о Времени, которого у него впереди много, и о том, что когда-нибудь, когда он вырастет, он полетит туда, далеко, и все звёзды неба будут петь, приветствуя его. «А ты?» — неизменно спрашивал Митя, наперёд зная ответ, но всегда страшась, что именно сегодня мама решит изменить концовку, наказывая его за недоеденную кашу. «А я, — задумчиво продолжала мама, — я... — затягивала ответ мама, Митины глаза от волнения наполнялись слезами, — я всегда буду рядом с тобой!» «Всегда?» — выкрикивал Митя, заливаясь смехом. «Всегда! — повторяла она, подхватывая его на руки. Эта была любимая Митина сказка, и когда мамы не было, он рассказывал её сам себе, иногда видоизменяя концовку различными деталями совместного будущего, в котором количество конфет и пирожных ограничивалось только его незнанием их мирового объёма производства.

Митя лежал, терпеливо вглядываясь в звёзды и ожидая маму. Это были самые счастливые моменты его маленького бытия — ждать маму. Это были даже не моменты бытия, это был ритуал жизни — ежедневное ожидание встречи с этой восхитительной женщиной, которая почему-то выбрала его в свои сыночки. Митя любил её всем своим крохотным сердечком, особенно теперь, когда больше ему любить стало некого. После того, как исчез папа. Была ещё, конечно, бабушка. Митя был к ней привязан, даже побаивался, но там всё было проще — бабушка не могла исчезнуть, он не очень понимал почему, просто знал, что для бабушки он то же самое, что для него — мама.

Его сегодняшнее ожидание затягивалось, Митя устал ждать, рассердился, испугался и, набрав воздух, капризно позвал:

— Мама! Ма-ма!

Вокруг по-прежнему было тихо. Присмотревшись к окнам, Митя понял, что это чужие окна, и комната тоже чужая.

— Мама! — заорал Митя что есть мочи и в то же мгновение всё вспомнил. Мамы больше нет. И бабушки нет. И Мити нет. И никого нет. И никогда больше не будет. Есть этот вонючий подвал с окном, сквозь которое едва видны звёзды, и это единственное, что осталось у него от мамы — звёзды. Всё остальное он пропил, или у него украли.

* * *

«Мама», — заплакал кто-то, кем он был сейчас, но на мгновенье прояснённое сознание отказалось ассоциировать себя и маму с этим кем-то, и он замолчал. Мысли путались, пытаясь найти выход, пытаясь сделать вид, что ищут выход, потому что выход был один — он, этот единственный выход, валялся здесь, где-то рядом, его надо было только отыскать в темноте. Руки, как будто жили отдельной, независимой от тела жизнью, привычно шарили вокруг, пытаясь помочь своему хозяину вновь обрести смысл существования и встретить наступающий день с ясной, хорошо поставленной задачей — найти где и на что выпить. Задача была не из простых, так как с каждым днём это становилось всё труднее и труднее сделать: без спиртного он встать не мог, а спиртное само к нему не шло. Сегодня руки ничего не находили, хотя он смутно помнил, что вчера, или по крайней мере совсем недавно, он отшвырнул от тебя недопитую бутылку. Он вроде как это точно видел — бутылка летела. Вот только куда? «Твою мать, — грязно выругался он и встал на четвереньки. — Ты где, сука?» Потряс головой, попробовал подняться, завалился на бок, опять встал на четвереньки, отполз в угол и помочился.

С трудом добрался назад до матраса. Сел. Было холодно. Знобило — трясло так сильно, что голова ударялась о стену. Удары привели его в чувство, и осознание своей беспомощности перед этими стенами, этой вонью, этим провалившимся матрасом вызвало такую ярость, что он завопил: «Ненавижу! Всех вас ненавижу!!!» Кого всех, поимённо, он

не знал. Так, в целом — всех. Всех, кроме мамы, ну, и, пожалуй, бабушки. Крик состоянию не помог — обычно после истерики приходила усталость, но не колотило, а сегодня дрожь не унималась, хотя и поутихла, и он уснул — ну, как уснул — забылся, уснуть не давал голод. В забытье опять приходила мама. Он вздрогнул и заплакал.

Утро навалилось своей безысходностью. И воспоминаниями. Именно память стала причиной его сегодняшних бед — нет, не память, а чувство вины. Он в который раз перебирал события *того дня*, пытаясь найти ответ, мог ли он что-то изменить. Он опять и опять видел лицо мамы, слышал её смех. Этот смех иногда пугал Митю, да и бабушка сердилась, когда мама *так* смеялась. Сколько тогда ему было? Около шести с половиной лет, он только пошёл в школу. Они к тому времени жили у бабушки, и его две самые близкие женщины часто ссорились, вернее, мама ссорилась с бабушкой, а та, в свою очередь, пыталась с ней о чём-то спорить, а потом плакала, и Мите было её бесконечно жалко. Мамы часто не было, он скучал, а когда она появлялась, пытался всеми силами удержать от следующего ухода: ведь это дети виноваты, когда взрослые уходят, так ведь? Он задавал этот вопрос бабушке, но бабушка молчала. И плакала. Она вообще много плакала — ему казалось, что всегда, поэтому с мамой было веселее. И интереснее. Мама любила звёзды и водила на крышу. Она рассказывала ему сказки, но теперь он думает, что она говорила тогда о своих собственных мечтах. Или желаниях. Он так с этим и не разобрался: трудно в шесть с половиной лет отделить взрослую мечту от желаний и не спутать это со сказкой. Мама говорила, что она умеет летать, и обещала и его научить: «Но потом». Вообще они много чего откладывали на «потом», и он любил эту неопределённость во времени, дающую надежду, что мама будет с ним: «потом», это ведь и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и всегда.

Тот день был хорошим, солнечным, предполагающим, что вечер будет ласковым и звёздным; и если мама придёт,

то они пойдут гулять на крышу, и маме нужен будет слушатель. А он готов был слушать её бесконечно. И слушаться. Ведь он был тихим, воспитанным мальчиком, во всяком случае, он очень старался им быть.

Они действительно очутились на крыше тем звёздным вечером, пришедшим на смену солнечному дню, и мама опять мечтала. Раскинувши в стороны руки, она кружила вокруг Мити, смеялась и разговаривала с небом. Митя испугался — такой он маму ещё не видел — и заплакал.

— Ну что ты, глупенький, — присела на корточки рядом с ним мама, — ну что ты плачешь? Я учу тебя быть счастливым, я учу тебя танцевать со звёздами. Посмотри на них, разве ты не видишь, что им нравится мой танец? Давай танцевать вместе.

И они, взявшись за руки, дурачились, смеялись и болтали с небом.

— Мама, смотри, — кричал Митя, бегая по кругу, изображая не то самолёт, не то птицу, — я умею, я умею, как ты.

— Да, милый, ты умеешь, как я, — эхом ответила ему мама, подхватывая на руки. — Я люблю тебя, малыш, — прошептала она ему на ушко и заплакала. Митя ладошкой вытер первую слезинку, потом другую, потом следующую, потом заплакал сам. — Ну вот, ты опять плачешь, что же нам с тобой делать? — улыбнулась мама и замолчала. Она молчала долго, он даже уснул, но проснулся от её смеха. — Я знаю, что нам делать. Мы улетим. Мне не хочется больше здесь быть. И тебе не надо — холодно здесь, неуютно.

— Но ведь я не умею летать, — возразил ей Митя.

— Не тревожься, это просто: каждый может сделать — не все решаются. Но ты ведь храбрый мальчик? Будет немножко страшно, но ты не бойся, я буду рядом.

Она прижала его к себе, помолчала. Митя почувствовал, что мама дрожит:

— Ты замёрзла?

— Нет милый, мне хорошо. Послушай, — продолжила она, — там, куда мы улетим, там будет совсем по-другому. Всё по-другому. И если вдруг мы потеряемся, нет, мы не потеряемся, но если вдруг, ты ведь знаешь, ты ведь будешь

всегда знать, что я люблю тебя? Ведь ты правда знаешь, что я очень тебя люблю?

Митя не ответил, он устал, и ему вовсе не хотелось никуда лететь, особенно туда, где можно потеряться, но он побоялся спорить с мамой — а вдруг она улетит одна? Обидится, улетит и не вернётся? Нет уж, лучше с ней, но надо быть настороже и не потеряться, как когда-то давно, когда он был совсем маленьким. Ну и натерпелся он тогда страху, но ведь нашёлся в конце концов, вернее, бабушка его нашла. Вот и сейчас найдётся, если что. Но вообще-то он не собирается теряться, что за глупости мама говорит, а ещё взрослая тётя называется.

— Ну что? Готов? — колокольчиками рассыпался мамин смех, — давай ручку. Пора.

На этом месте он всегда хотел остановиться. Остановить действие, время и саму жизнь. Он так и не научился не думать об этом днями, месяцами, годами — всегда. Не вспоминать, как они побежали, взявшись за руки, — сначала медленно, потом быстрее, потом совсем быстро. Митя не поспевал за мамой, а она, не замечая этого, тащила его за собой так настойчиво, что он споткнулся, или, может, и не споткнулся, но ему было очень, очень страшно. Он заревел и выдернул ладошку из маминой руки. И в этот же момент она прыгнула. И её не стало рядом. Больше никогда.

Так он остался один. Мальчик шести с половиной лет один на огромной крыше наедине со звёздами. Просто потому, что выдернул руку. Струсил. Не удержал. Предал. Так он знает сейчас. А тогда он искал её глазами и терпеливо с опаской ждал, думая, что она сейчас полетает, вернётся за ним и отругает, наверняка отругает, что ослушался.

Потом была бабушка, много плачущих людей, каких-то тёток, слёзно прижимающих его к себе. Он чувствовал их противный чужой запах и злился на маму, что и летать не научила, и с собой не забрала, а ведь обещала.

Когда однажды он спросил бабушку, вернётся ли мама, она сказала странное слово «умерла», а он её поправил:

«Улетела». На том и порешили. Никогда больше он к этому вопросу не возвращался. Но ещё долго-долго ждал, помня её последние слова — ведь от тех, кого любят, размышлял он, насовсем не уходят?

* * *

Со дня смерти мамы ему всегда было неуютно быть, он как будто чувствовал себя лишним и пытался по-детски к этому ощущению приноровиться, подстроиться к окружающему миру, объяснить, что он чувствует. Однажды в школе дети говорили о Боге, а он в ответ спросил, кто такой Бог. И одна девочка серьёзно так ответила, что Бог — этот тот, кого никто не видит, но он всегда рядом и помогает, если, конечно, в него верить. А ещё если боишься, что урок не выучил, то можно его попросить, и он так сделает, что не вызовут, но только часто так поступать нельзя, а то он покарает, накажет то есть. Вот. И с ним можно разговаривать по вечерам, девочка сама слышала, как её бабушка рассказывает ему про всё про всё.

— Ну так как, ты теперь будешь в Бога верить или нет?

— Нет, — ответил Митя. — Я верю в маму.

И дети засмеялись. Он не понял почему, заплакал и полез драться. Окружающим это показалось ещё смешнее, и его стали дразнить все кому не лень. Дошло до того, что в школу он отказался ходить категорически. Бабушке поневоле пришлось разбираться что к чему, и в результате они переехали в другой район, где ничего не напоминало им обоим о прошлом.

А потом из его жизни так же неожиданно, как и мама, ушла бабушка. Она просто не проснулась. Он тогда уже был студентом — очень стеснительным, замкнутым и одиноким студентом четвёртого курса строительного института, и бабушка им безмерно гордилась. Об этом он скорее догадывался, чем наверняка знал. Она ведь так и осталась внешне суровой и не слишком падкой на проявление чувств «мамой мамы». Он её в детстве так и представлял: «Это мама моей мамы». И бабушка была не против — родное для него

слово, произнесённые дважды, было магическим кодом, ключом к закрытой для посторонних двери памяти, объединяющим их двоих сильнее, чем любые родственные связи. Бабушка была его опорой, и он нескоро понял, каким мощным стимулом жизни стал для неё сам. В детстве он верил, что она колдунья, правда, добрая — а как иначе можно было объяснить тот факт, что стоило просто произнести «Бабушка, мне больно», и мир начинал вращаться вокруг него, а боль или болезнь отступали. Он даже научился этим по-своему пользоваться: когда был виноват, знал, что надо начать с «мне больно», а потом можно было в чём хочешь признаваться. Много позже эта фраза стала его особой формой извинения, или покаяния, или откровения, или просьбы побыть рядом, защитить.

И вдруг не стало и её — мамы его мамы — и всего лишь через каких-то шесть лет случилось всё то, что с ним случилось, и вместо просторной квартиры профессора медицины, заведующей кафедры, его бабушки, он оказался здесь, в вонючем подвале дома, с крыши которого прыгнула его мама.

* * *

Острый приступ голода вырвал его из привычного путешествия в прошлое и заставил найти силы подняться и выползти на улицу. Он побродил по району, попил кофе в подсобке у Алевтины — сердобольной продавщицы кондитерской, съездил на кладбище, проговорил там все свои новости, вернее их отсутствие, завернул на рынок, где можно было получить горячую еду и выпивку за пару часов работы, и в конце концов оказался на крыше. Его тянуло сюда всегда, когда было особенно худо и воспоминания давили так, что причиняли почти физическую боль, от которой он теперь зависел так же сильно, как и от алкоголя.

Крыша была единственным местом, где он чувствовал себя уверенно, где позволял себе мечтать: «Когда-нибудь однажды…» Но он знал, что для «однажды» ещё слишком молод, и тот день, когда он будет вместе со своими близки-

ми, наступит нескоро. Осознание невозможности что-либо изменить в своей жизни угнетало его сегодня больше, чем обычно. Он опять перебирал подробности последнего дня его счастливой жизни, пытаясь представить, как могло бы всё повернуться, «если бы не», вспомнил свою любимую сказку о Времени, которого у него и сегодня по-прежнему много, и о том, как верил, что полетит туда, далеко, к поющим звёздам, и вдруг решился.

«Холодно здесь, неуютно», — повторил он последние слова мамы, вглядываясь в ночную тишину, и не раздумывая шагнул в звёздное небо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глава первая

Мой милый мальчик, я до сих пор не уверен, что поступаю верно, решившись рассказать тебе правду. Но меня убедил Марк. Он, может, и не делал бы этого, если бы до конца знал, что тебе предстоит узнать.

Помнишь, в прошлом году ты прочитал о ребёнке, который вырос и захотел уйти? Я потом долго возвращался к этому герою, интересуясь опять и опять твоим мнением о нём. Ты удивлялся, что я уделяю слишком много внимания рассказу, который не хуже и не лучше всех остальных моих историй, и поинтересовался, почему он никогда не печатался. Теперь я могу ответить на твой вопрос: этот рассказ был написан специально для тебя, и это не просто ещё один рассказ и герой, придуманный мной, — этим героем был я, и это была моя жизнь, *до* того, что случилось потом.

В этом случившемся потом мне было лень просыпаться — это, пожалуй, самое точное определение ощущения себя в то мгновение, когда я почувствовал присутствие постороннего рядом. Лень опутала тело, сознание и душу; она спеленала меня беспомощным младенцем и подавила способность к сопротивлению. Лень было сконцентрироваться и открыть глаза, или хотя бы попытаться догадаться, кто находится поблизости: мне всё равно. Абсолютно безразлично. Меня нет. Я ушёл.

«Не открывай глаза, не шевелись, не дыши, замри — притворись мёртвым», — приказала мне Лень, и я с удовольствием подчинился. Никаких причин не делать этого у меня, видимо, не было. Как и не было причин вступать с кем-то в контакт. Может быть, после, когда-нибудь, не сейчас, однажды. Отстань, уйди. Не буду, не хочу, не заставишь, отвали.

«Ну, молодой человек, и долго ты будешь обманываться, что никто не знает, что ты пришёл в сознание?» — услышал я женский голос и испугался: почему «пришёл» в сознание, разве я в нём всё время не прибывал? Поневоле надо было реагировать на вопрос, и тут до меня дошло, что это не в лени дело: я если бы и хотел, то не мог ответить. То есть, наверное, мог, но это требовало каких-то невероятных усилий воли, а воля как раз-то отсутствовала.

«Так, — опять произнёс *голос*, — давай попробуем подать любой знак, что ты меня слышишь».

Хорошо сказать: я и рад бы был подать знак, только как это делается? Ну ладно, сейчас попробую открыть глаза.

У меня, видимо, дрогнули веки, потому что последовало подбадривающее: «Вот так, молодец, давай ещё разочек». Голос показался знакомо бабушкиным, и я решил подстраховаться на случай, если что-то не то учинил: «Бабушка, мне больно», — сказал я и приготовился к её ласковому прощающему прикосновению. Реакции не последовало, и я с задержкой осознал, что ничего вслух не произнёс, и меня охватила паника: «Что, в конце концов, происходит?»

«Митя, попробуй ещё раз, как-нибудь, — я знаю, ты можешь».

Нет, это не бабушка, но кто? А какое мне дело, кто, если это не бабушка, тем более что мне действительно больно, а её нет, да и быть не может, она умерла, это до меня тоже дошло, и я заплакал.

«Ну вот, я же говорила, что ты можешь. Умница».

«Нет, ты глянь, ну не дура, а? Здоровенный мужик лежит и беспомощно ревёт, а она мне: „умница“», — подумал я и решил на идиотку больше не реагировать.

Именно так я вернулся назад — туда, откуда неудачно попытался уйти, спрыгнув с последнего этажа дома, не зная, что со стороны прыжка были натянуты защитные строительные сетки. Об этом мне рассказали позже.

«Идиоткой» оказалась Мария Сергеевна, врач, день за днём проводившая со мной всё больше и больше времени. Я не сразу понял её роль в моём лечении: врачей приходило много, они относились ко мне не особо сострадательно, а порой и вовсе брезгливо, и я уже знал почему. Правда, меня это не волновало: по мере того, как моё тело, а с ним и память восстанавливались, я всё больше и больше понимал, что в свою прежнюю жизнь не вернусь, а значит придётся завершить начатое. И я это сделаю. Так что зря стараетесь — я здесь, как говорится, пассажир временный.

Приходы Марии Сергеевны раздражали: она как будто наблюдала за мной и, в отличие от других, проявляла участие, в которое я не верил и потому хамил. А правда, «чего прицепилась, чего ты тут ходишь, чего тебе надо от сиганувшего с крыши в минуту тяжёлого похмелья бездомного?» Именно так я ей однажды и сказал — прямо и грубо, хотя было чуток стыдно: она всё-таки намного старше, но пусть оставит в покое — достала.

— Почему ты сиганул с крыши, я догадываюсь, а что с похмелья, так тут ты лукавишь: алкоголь в крови мы почти не обнаружили, а значит похмелье ты в тот день уже пережил и на момент принятия решения, я предполагаю, из запоя вышел. Так что не наглей, это ты перед медсёстрами идиота с пропитыми мозгами разыгрывай — они тебе поверят, а я всё-таки психиатр-нарколог и знаю о тебе гораздо больше, чем ты можешь себе представить. И да, я здесь не часы отрабатываю, а пытаюсь не допустить второй попытки суицида, или как ты там для себя это действо обозвал? Сведение счетов с жизненной несправедливостью, недопонятый ты наш? Или что-то ещё более заковыристое? — спокойно сказала она.

До этого момента я мало на что реагировал, мне было абсолютно безразлично, что обо мне говорят и думают,

а тут как накрыло: я рванул с кровати, чтобы ударить, забыв, что передо мной врач и женщина, но сил не было, и она знала об этом, а потому не испугалась. Это профессиональное спокойствие в мгновенье превратило её в причину всех моих бед.

— Ты ничего не знаешь, ты ничего не можешь знать, убирайся отсюда! Вон, помогите, сделайте так, чтобы она ушла! — закричал я, в бешенстве молотя воздух слабыми руками, и зарыдал.

Я понимал, что она меня провоцировала, это повторялось потом не однажды, но не мог контролировать свои реакции. Дошло до того, что я её возненавидел и потребовал ко мне в палату не пускать, но ничего из этого не вышло — кто я, а кто она?

Когда я достаточно окреп, она перевела меня к себе — в наркологию. Я бойкотировал лечение, буянил и порывался удрать, но на улице была зима, стояли лютые морозы, и это меня удерживало: замёрзнуть или эффектно умереть — не одно и то же. А я вынашивал планы такого ухода, чтобы ненавистная врачиха жила с чувством вины всю оставшуюся жизнь и окружающие знали о её роли в моей преждевременной кончине. Так что замёрзнуть, как собака, в мои намерения никак не входило — нет, такого удовольствия я ей доставлять не собирался.

В один из дней, после моего очередного скандала с медсёстрами, Мария Сергеевна зашла в палату и с порога заявила:

— Долго ты будешь здесь дурака валять, планы мести мне вынашивать? Не надоело? Пора уж, Митя, делом заняться. Я готовлю тебя к выписке. И меня, между прочим, больше совершенно не интересует, что с тобой будет дальше.

— Как это не интересует? — возмутился я. — Зима на улице, вы что, собираетесь меня вот так отсюда выгнать? Не имеете права, вы клятву давали! Вы же знаете — я ещё не поправился, и мне некуда идти!

— Я на всё имею право, и клятву я давала помогать, а не со взрослым детиной, застрявшим в детстве, возить-

ся. Так что готовься убраться отсюда, моя помощь другим больше нужна, чем тебе, — ответила она невозмутимо и собралась уходить.

— Кому и чем Вы можете помочь? — стараясь сдержатся, парировал я. — Вы даже не в состоянии проявить милосердие, Вы не в состоянии понять всего, что я пережил. Да таких как Вы, нельзя к людям близко подпускать.

— А позвольте вас, уважаемый Дмитрий, спросить, что вы такое пережили, чего *я* не в состоянии понять? Чего я, работая здесь, не видела и не слышала? Посвятите меня, будьте так добры, в детали своих страданий.

Я услышал издёвку в её голосе и насторожился, но упрямство взяло своё, и я в запале ответил:

— Да знаете ли вы, что моя мама…

— Да знаю, — вдруг резко перебила она меня, глядя в глаза. — Знаю, что твоя мать, Ирвина Елена Людвиговна, двадцатипятилетняя аспирантка моего тогда ещё мужа и дочь заведующей кафедры общей медицины, находясь под воздействием психотропных препаратов, прыгнула с крыши, пытаясь забрать с собой шестилетнего ребёнка, которого она родила от вышеупомянутого чужого мужа. Ребёнка воспитала бабушка, в горе забыв, что дети рано или поздно должны вырастать, и сделала всё, чтобы оградить его от жизни, привязывая к себе чувством вины и канатами памяти. Я ничего не забыла? Только давай я тебе кое-что скажу как врач, перед тем как вышвырну тебя из отделения. Ты никогда ни в чём не был виноват, и винишь ты себя в настоящем не за то, что она умерла, а за то, что не можешь её простить, особенно после того, как до тебя дошло, что она была под кайфом.

Я не знаю слов, чтобы объяснить, что я тогда испытал: на меня как будто обрушилась стена, и я стоял, парализованный осознанием того, что кто-то чужой проговорил слова, от которых я всегда хотел убежать.

— Как вы узнали? — спросил я через какое-то время, собравшись с силами.

— Я не узнала, я всегда это знала. Я ведь, как ты понимаешь, была в какой-то мере непосредственным участником

этих событий. Неужели ты думаешь, что от меня скрывали факт рождения чужого ребёнка от моего мужа? Люди бывают чрезвычайно «добрыми», «сострадательными», так сказать. А если ты спрашиваешь, как я узнала о твоих тревогах, так ведь я врач, Митя, и, говорят, неплохой.

— А теперь вот что, — помолчав, добавила она, — я пришлю медсестру с лекарством: тебе нужно отдохнуть. С завтрашнего дня тебя переведут в невралгию, не на улицу же тебя, и правда, выпроваживать. Я буду заходить, хочешь ты этого или нет: ты слишком долго находишься на обезболивающих, и мне надо проследить, чтобы ты, придя сюда алкоголиком, не ушёл от нас наркоманом. Да, и ещё. К тебе придёт следователь, я оформила твой случай как нападение, тебя ведь с крыши сбросили, не так ли? А что не помнишь кто, как это бывает у пьющих.

Мгновенное понимание того, что эта, по сути, чужая женщина после всех моих выходок позаботилась о том, чтобы у меня не было в истории попытки самоубийства, подумала о моём будущем — будущем, которое я сам отрицал, шокировало меня. Покраснев, я только и смог произнести:

— Простите меня.

— Да ничего, бывает. Ты тоже не обессудь, что подвергла тебя такой жёсткой терапии, но я знала — ты парень крепкий, в бабушку, должен был выдержать — и не ошиблась. Мы, к слову, когда-то были очень дружны с твоей бабушкой: я, по сути, была её ученицей и очень уважала.

Что было дальше?

Дальше были обычные больничные будни, когда я учился жить. Это было непросто: после смерти бабушки нормальной жизнью я не жил: мне достались квартира и какие-то деньги, но отсутствовал контроль, а я был молод и первый раз в жизни предоставлен сам себе. То, что поначалу казалось осуществлением мечты, закончилось так банально, что об этом, пожалуй, не стоит и рассказывать: я благополучно вылетел из университета, не успев защитить диплом; благодаря бывшим бабушкиным знакомым не загремел в армию, попытался начать работать и стал

пить. Это было естественным развитием событий: желающих воспользоваться моей квартирой было достаточно, и все они приходили с бутылкой. Я не любил гостей, но боялся оставаться один: пустую квартиру по вечерам заполняли тени памяти и одиночество. Я стал неистово завидовать сверстникам — их отношениям с девушками, их папам, мамам, родственникам — всему тому, чего сам был лишён. И если семья у меня была, пусть в прошлом, но была, то с девушками не складывалось. От слова «никак». Я и сейчас, думая о том времени, нескончаемо жалею себя тогдашнего: молодого человека, который невероятно нуждался в любви, но никому не был нужен.

Глава вторая

Время, проведённое в больнице, было, пожалуй, самым спокойным временем моей взрослой жизни. Не имея дома, документов и вообще будущего, я получал удовольствие от возможности ходить, дышать, есть, читать, вспоминать, жить. Ко мне пришло понимание, что рутина ежедневности имеет временные ограничения, и я перестал думать о завтрашнем дне как о само собой разумеющейся данности. Я радовался сну, пробуждению, скудной больничной еде и даже больничным процедурам. Как ни страшно об этом говорить, но всё, что случилось, — должно было случиться, и падение с крыши — лишь урок, преподнесённый мне судьбой. Меня больше не посещали мысли об одиночестве и прошлом. Вернее, я перестал этим жить — ну, одиночество, ну, прошлое, и что? За несколько месяцев болезни я подсмотрел такие человеческие истории, по сравнению с которыми моя собственная жизнь перестала казаться ужасной. Я был один, — как оказалось, в этом есть свои плюсы: меня не предавали, не отбирали бизнес, не изменяли и не бросали факт измены в лицо, наказывая только за то, что я оказался на больничной койке. И какой бы грустной ни была история моего детства, но меня не оставляли при рождении, и мне и в голову не приходило, что мама могла меня при рождении

КОШКА

Не спрашивайте меня, почему «Кошка».
Терпеливая? Мудрая? Живучая?
На самом деле я не знаю почему.
Так просто померещилось, прозвучало, произнеслось.

Посвящается Елене Р.

Глава 1

Сеня был обычным провинциальным парнем: простым, бесхитростным, прямолинейным, пьющим. И жизнь его проходила также прямолинейно и бесхитростно в окружении жены Нюси, дочки Катеньки и Кошки. Просто Кошки — ну кто ж в деревне даёт приблудным кошкам имена? А прибилась она к дому давно, когда ещё была совсем крошечным беспризорным котёнком, и Сеня поначалу был ей вовсе не рад, но как было не приютить бедолагу, если Катенька, увидевши во дворе пушистый комочек, вцепилась в него ручонками так, что захоти Сеня его утопить, пришлось бы топить вместе с ребёнком. Так и появилась животина в доме…

Было в их семье и хозяйство: огород, курочки, пара индюков и свинка. В общем — всё как у людей.

Да и с работой повезло: оба были устроены — Нюся в бухгалтерии при правлении, где её очень ценили за надёжность и ответственность, а Сеня работал механиком, слыл рукастым, обязательным и, невзирая на пьянство (не то чтобы беспробудное, но регулярное), числился в передовиках, а потому начальство им дорожило: ну где ещё сегодня найдёшь в селе молодого здорового мужика, пусть и пьющего, но исполнительного.

В целом семья жила хоть и бедно, но, как говорят, с достоинством: всего им в этой жизни хватало, в чём нужда-

лись, на то потихоньку зарабатывали, а на что заработать не могли, то это и не надо было.

И так вот бы и жили они монотонно и буднично день за днём до самой старости, без особых радостей, но и без горестей, тихо и неприметно, да жизнь распорядилась по-другому...

Было у Сени, по характеру довольно уравновешенному и флегматичному, одно душевное волнение: когда-то увёл он свою Нюсю у друга и соседа Толика. И хотя тот уже давно женился, и дети его вместе с Катенькой в школу ходили, но боялся наш Сеня, что однажды опять сойдутся Толик и Нюся, и останется он на старости лет один-одинёшенек. Именно по этой причине дико ревновал он жену свою и периодически гонял криком по дому, но, правда, пальцем никогда не трогал. Она его слабости хорошо знала, сильно на пьяные скандалы внимания не обращала и обычно получала от мужа всё, что семье и ей было нужно.

В какой-то момент Нюся стала убеждать Сеню, что, мол, ребёнок растёт, скоро совсем взрослой станет, надо было бы свозить девочку за пределы Малой Родины, чтобы в будущем не попрекала, что чего-то в жизни недодали. Дитя-то единственное, надо баловать по возможности. Возможности были ограниченными — наскребли только на горящую недельную поездку в Турцию.

Для этой поездки Нюся, при поддержке Толиковой жены Надюшки, выменяла породистого индюка на подержанный, но очень неплохой фотоаппарат, вспомнив, что Сеня в детстве любил возиться с фотографией — глядишь, и удастся в отпуске отвлечь мужа от бутылки: уж очень она боялась, что, не ровён час, беда с ним по пьяни случится.

В Турции им не понравилось: они нигде никогда прежде не бывали, а потому чувствовали себя не в своей тарелке и очень стеснялись. Но никому об этом не говорили — стыдно было признаваться в своей деревенскости, да в глазах дочки авторитет терять не хотелось. Ещё хорошо, что время пролетело быстро, и, вернувшись назад, собрали они на

радости гостей, чтобы поездкой похвастаться, заморские фотографии показать и, не без того, дать возможность Катеньке в турецком ширпотребе на зависть подружкам покрасоваться.

Фотографии вывели на экран телевизора так, чтобы всем пришедшим было видно. Их, пришедших, как и фотографий, было много; за разговорами, да под хорошую закуску время летело незаметно, и захмелевший Сеня так увлёкся, что стал демонстрировать самые любимые его снимки (сделанные, между нами говоря, втайне от жены в моменты лёгкого подпития). А там… там Нюся на фоне закатов-рассветов и диковинной заморской растительности, да на песке, да в волнах, да не всегда целиком одетая. Нет, нет, не раздетая, упаси меня Судьба, напраслину на женщину возводить, но не до конца прикрытая, выходящая, так сказать, за рамки деревенского целомудрия. То есть для Турции это было нормой, но Сенины зрители были далеки от понятий турецкой курортной нравственности, да и тело почти сорокалетней Нюси хотя и являлось единственным объектом сексуальных фантазий мужа, но было далеко от эталонов красоты мыльных опер и отечественных сериалов.

Нюся за закусочно-посудной суетой не сразу заметила себя на экране телевизора в столь неподобающем виде, и до того, как она «это позорище» прекратила, некоторые слишком темпераментные дамы увели из дома от греха подальше своих благоверных, приговаривая при этом, что «не дело замужней бабе, что той кошке на солнцепёке, с раскиданными ногами и полуприкрытыми титьками в морской пене валяться; да и мужик хорош: свою хозяйку так позорить, папараций хренов». В общем, нехорошо вышло, да что уже тут исправишь — как вышло, так вышло.

Нюся, конечно, всплакнула, обидевшись, не без того, но рассудила здраво: «Помолотят языками да забудут». Оно бы и забылось, да на её беду среди гостей в тот злополучный вечер случайно затесался бывший Сенин собутыльник, а теперь директор областного концертного зала, некто господин Кипелов, который был на побывке у своей матери,

скрываясь, как я догадываюсь, от очередной обманутой любовницы. Кстати, одна из этих любовниц когда-то и пристроила его директором в районе, к телу, так сказать, поближе.

У директора, при всей его слабости к женскому полу, деловая хватка, помогавшая ему выжить при любой власти, присутствовала, и глаз на возможность извлечь выгоду из маломальского события был намётан. Он знал пару-тройку нужных людей в белокаменной и иногда очень удачно для своего кошелька спроваживал к ним местных звёзд художественной самодеятельности — самородков, готовых в буквальном смысле на всё ради сиюминутной славы. Одна только незадача: как только по-настоящему способная деваха, приехавши в столицу, побеждала в каком-либо конкурсе, она тут же выскакивала замуж или шла на содержание к стареющему символу денежного успеха, что в последнее время у провинциальных талантов стало цениться выше — всё-таки опыт приобщения к гламурной жизни подсказывал, что деньги сегодня важнее, чем статус замужней женщины... В общем, Ванька Кипелов, или, как он сам себя переименовал, Ян Кипело'фф, регулярно оказывался на мели и посему постоянно находился в поиске денежного родника.

В тот самый вечер отчёта семьи о поездке в Турцию Кипелов был единственным человеком, кто очень серьёзно отнёсся к Сениному «фотографическому непотребству» и даже задержался дольше всех, чтобы договориться с товарищем сходить на следующий день в баньку. А потом как-то так случилось, что он уговорил Сеню отдать ему отснятый материал, убедив его, что того ждёт большое будущее (и деньги), если он, Ян Кипело'фф, сумеет договориться устроить ему персональную выставку. Нет, вы не думайте слишком хорошо о Кипелове: пока он всего-навсего хотел всунуть Сеню в свой квартальный отчёт о работе с самобытным народным искусством, а заодно и оправдаться за долгий прогул, который теперь, если повезёт, можно будет переквалифицировать в творческую командировку: мол, мотался по глубинке в поиске той самой самобытности.

Результатом всего выше произошедшего действительно явилась Сенина выставка в концертном зале, приуроченная к приезду *высоких* гостей города, которые явились по случаю какого-то юбилея (думаю, им тоже надо было перед кем-то прикрывать своё безделье). Профессионально обработанные фотографии (тут Кипелов бюджетных денег не пожалел) произвели должное впечатление — может, потому, что Сеня снимал любя и спьяну, так сказать, на эмоциональном подъёме, или, может, и вправду дремал в нём нераспознанным талант — ведь сколько их, этих загубленных дарований по свету шатается — но так или иначе, а на этой выставке Сеню «заметили».

Ванька в образе Яна понёсся к влиятельным дружбанам за поддержкой, те быстро сообразили, что на Сене можно заработать, и благословили задуманное, присоединившись к его профессиональной раскрутке. Очень быстро наш герой забросил работу и стал заниматься в основном тем, что бродил по окрестностям, выискивая бомжей на помойках, рыбаков, баб в огородах, ребятишек на речке, и снимал, снимал, снимал — Сеня интуитивно почувствовал, чего от него ждут, а Кипелов не скупился на выпивку и ввёл дополнительного фотографа в штат концертного зала. Нюся занятие мужа не одобряла, но помалкивала: денег в доме стало больше, и на том спасибо…

Глава 2

Прошло три года… Сенины фотографии вошли в моду, его охотно покупали, выставляли и приглашали. Он обзавёлся машиной, квартирой в городе и съездил не один раз за границу. Пообтесался, обнаглел, заматерел. Но уже без Нюси, Катеньки и Кошки. Как-то так само собой случилось… Он иногда скучал по ним, но новое окружение не давало на этом особо сосредоточиться, да и Сеня старался от себя прошлого дистанцироваться, а прошлое — это и были Нюся, Катенька и Кошка… (И давайте мы не будем его сильно за это осу-

ждать: положа руку на сердце, чего ещё в похожей ситуации можно было ожидать от простого парня, который никогда в жизни не был по-настоящему обеспечен?)

Появилась у него и новая Муза — из их же, из местных, но почти на пятнадцать лет моложе, «знатная шалава», как однажды прямо сказала Сене его мама — к маме он тоже перестал ездить…

За эти три года наши герои постепенно привыкли и приноровились к своей новой реальности, и каждый зашагал своей дорогой, не оглядываясь и не задавая ненужных вопросов «что, если бы…» Нюся жила одна и, несмотря на отсутствие Сени, всё так же работала, заботилась о хозяйстве, воспитывала дочку, бережно откладывая на её будущее деньги, которые Кипелов щедро перечислял на содержание Катеньки, и гнала, гнала от себя безрадостные мысли о том времени, когда выучится дочка, устроит свою жизнь и уйдёт от Нюси. И что тогда с ней, с Нюсей, будет?

С Сеней они давно не виделись, хоть до неё и доходили слухи, что он бывает в родных местах, но не один, и всегда его наезды заканчиваются знатной попойкой на радость местным алкашам и их преданным подругам. Иногда эти мероприятия заканчивались драками, но Сеню успевали вывести невредимым из всех переделок, т.к. Кипелов следил, чтобы его подопечного, кроме шалавы, сопровождал ещё и крепкий ассистент. Многие сплетничали, что Сеня, или, как его с недавних пор окрестили местные, Папарац, являлся не просто так, а чтобы Нюсе свою крутость показать, ведь это она его из дома выставила, когда, несмотря на появившиеся в семье деньги, невозможно стало терпеть его пьяные творческие выходки: то бабу в дом приведёт, то требует «фотосессию» средь бела дня устроить, ибо кормильцу стало шибко невмоготу свою физиологическую нужду справить…

В один из регулярных наездов в родные края Сеня, видимо, обнаглев окончательно, вступил без всякой причины сначала в словесную, а потом и рукопашную стычку с быв-

Книга «Танец плачущих звезд» написана Юлией Янновой, которая, по словам педагога и писателя Людмилы Волковой «для многих является автором-загадкой, пишущая интересно и профессионально. Её стиль совершенно индивидуальный и отработанный, нигде не срывается в сторону». Обращаясь к Юлии, Людмила отмечает:

«Вы удивительно талантливы! Редко кому удается так передавать мысль, идею, чувства. Вы пишете свободно, потому что словом владеете блестяще. Оригинально, но без натяжки, без желания понравиться, подстроиться. Вас, Юлия, очень трудно анализировать... Здесь критиковать нечего, потому что вас нужно либо принимать, либо отвергнуть. Я принимаю».

Главный герой повести Дмитрий Ирвин пишет письмо сыну, где открывает семейную тайну, которую не решался рассказать многие годы. Он описывает серию захватывающих событий, казалось бы, не связанных между собой, и по мере повествования герой повторно проживает прошлое, в котором ему пришлось пройти сквозь череду потерь, предательств, интриг и обмана, где каждый участник событий мог быть как соратником, так и врагом. Ирвину понадобились годы, чтобы расследовать и понять причины, приведшие к трагическим событиям его жизни. Сумеет ли он справиться с невзгодами, обрушивающимися на него в течение долгих лет, сможет ли выстроить своё счастье наперекор обстоятельствам? Или станет очередной жертвой человеческой подлости и эгоизма?

ISBN 978-1-970342-10-9
90000 >
9 781970 342109

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com